Это увидит экскурсант...

Как известно, для участников фестиваля будут организованы экскурсионные поездки по стране.

Город Переславль-Залесский с его окрестностями — одно из достопримечательных мест. Здесь родился Александр Невский, здесь, на Плещеевом озере, Пётр Первый строил первые корабли.

К открытию фестиваля Переславль-Залесский краеведческий музей готовит ряд новых экспозиций, рассказывающих о прошлом края, о преобразованиях, которые в нём произошли.

I. История одной находки

Каждый, кто читал толстовского «Хаджи-Мурата», наверное, помнит, что левым флангом русской армии на Кавказе командовал генерал Козловский. Ему наместником князем Воронцовым было поручено и непосредственное сношение с Хаджи-Муратом, который, как писал наместник, «без одобрения последнего ничего сделать и никуда выехать не может».

Помнит читатель, возможно, и описание прощального обеда, который давал молодой Воронцов — сын наместника — в честь отъезда Козловского, и те реплики, которыми обменивались боевые офицеры, — «Осрамится наш „как“. — А что? — Да ведь ему надо речь говорить. А что же он может? — Да, брат, это не то, что под пулями завалы брать. А ещё тут рядом дама да эти придворные господа...»

Толстой называл повесть о Хаджи-Мурате одной давнишней кавказской историей, «часть которой я видел, часть слышал от очевидцев, а часть вообразил себе».

Не будем разбираться, что в «Хаджи-Мурате» видено, что слышано, что воображено, — это дело литературоведов. Но вот если вы через сто с лишком лет вдруг встречаетесь с тем, что напоминает многое, описанное Толстым в повести, встречаете за тысячи километров от тех мест, где происходили описанные события, разве вы не остановитесь благоговейно, разве не поблагодарите тех, кому обязаны виденным?

И, конечно, экскурсанты, которые придут в Переславль-Залесский краеведческий музей, подолгу не будут отрывать взора от оружия горцев, от их одежды, от утвари — всё это в том состоянии, каким видел это Толстой. Они с интересом осмотрят боевые ордена, которые носил на Кавказе генерал Викентий Михайлович Козловский. И, конечно, они будут благодарны работникам музея, которые проделали очень сложные поиски, прежде чем все эти вещи заняли место в экспозиции.

...Не думал Константин Иванович Иванов, директор музея, когда как-то придя домой на обед и взяв томик Толстого, не думал, что случайно открытая страница «Хаджи-Мурата» приведёт к таким последствиям. Ведь повесть была читана и перечитана ещё в юности, но к хорошей книге всегда тянет, и тут, открыв томик, он как раз наткнулся на то место, где описывался прощальный обед у Воронцова.

«В середине стола сидели: по одну сторону Козловский, — читал Иванов, — по другую...» Что насторожило его, когда он прочёл эту фамилию... Далее следовал обмен репликами офицеров и сама речь Козловского, которая, конечно, не могла не вызвать улыбки — сбылось опасение офицеров — чуть ли не через каждое слово следовало излюбленное генералом «как...» Но это была речь честного воина, который всё, чего достиг на службе, чем награждён, всем своим положением и именем делился со всеми боевыми офицерами...

**Грибков, Н. И.* Это увидит экскурсант... / Н. И. Грибков // *Юность*. — 1957. — 11 июля; 13 июля. — С. 3; 3.

«Козловский не мог говорить дальше и, встав, стал...»

Константин Иванович тоже не мог усидеть за столом. Как ему удалось узнать недавно, и совсем по другому поводу, в Переславском уезде проживал отставной генерал, фамилия которого тоже была Козловский. А если это одно и то же лицо? Скорее за энциклопедический словарь — вот и буква «К»... Так, Козловский Викентий Васильевич... генерал... участник кавказской войны... уроженец Переславского уезда...

Ну, что ж, интересно, конечно, знать, что один из героев, описанных Л. И. Толстым, — лицо подлинное, ещё интереснее, что он уроженец переславских мест. Можно выставить на витрине толстовскую повесть, отчеркнуть места, где говорится об этом генерале, и в сноске указать, что он-де наш, переславский...

Нет, это была не слишком большая победа. Но постойте — ведь только недавно отправили в Ярославль опись кавказской утвари, оружия, орденов... Лежало всё это в фондах много, много лет, и, понимая, что для местного, краеведческого музея кавказская утварь не подходит — решили отправить её в обменный фонд, может, где-нибудь всё это будет нужнее... Директор поднял на ноги всех работников музея. Откуда поступили кавказские вещи? Нашли — из имения Бектышево. В 1919 году их привёз в музей академик живописи Кардовский — но Дмитрий Николаевич умер ещё в 1943 году, в его записях ничего об этом не говорилось...

Снова поиски и поиски — надо было выяснить, как попали вещи в Бектышево. И тут, разбирая семейную родословную владельцев Бектышево — Самсоновых, работники музея добрались до того, чего искали — один из Самсоновых был женат на дочери Козловского. Всё встало на своё место — после смерти Козловского памятные ему по кавказскому походу вещи и перешли к дочери, в Бектышево, а отсюда в музей...

Так был выяснен новый, интересный раздел истории родного края. Так то, что было видено и о чём было рассказано великим художником слова, стало достоянием нашего современника...

II. Знать прошлое, чтобы ещё больше любить настоящее...

Эти слова Алексея Максимовича Горького невольно приходят на память, когда знакомишься с разделом прошлого, размещённым в нескольких залах музея.

Получилось так, что за несколько часов до этого нам пришлось беседовать с лучшей дояркой района девятнадцатилетней комсомолкой Надей Антошиной. Мастер высоких удоев молока, заслуженный человек, она представляла прямое олицетворение колхозной молодёжи. Она, эта молодёжь, получила образование в советской школе, она пользуется всеми благами колхозного труда, для неё кино, электричество — это само собой разумеющееся. Но вот спросите ту же Надю Антошину — а что такое курная изба — она наверняка смутится...

А эта курная изба стоит в зале музея, и, кажется, ещё до сих пор от неё попахивает дымком и несёт гарью. Что это? Экспонат далёкого-далёкого прошлого?

— Нет, — объясняет нам директор музея К. И. Иванов, — она перевезена к нам в тридцатых годах, в годы коллективизации, из нынешнего Рязанцевского района.

Так вот до каких дней она дожила! А ведь она была обычной постройкой ярославских деревень в не столь далёкий период. Пусть посмотрит сегодняшняя колхозная молодёжь, как жили их деды и прадеды, пусть сравнит с сегодняшним обликом колхозного села. Изба эта была вросшей в землю почти до самого единственного окна. Трубы в ней нет, дым выходил из двери.

— Когда я зашёл в неё, вернее не зашёл, а влез на четвереньках, — рассказывает К. И. Иванов, — я не мог ничего различить в полумраке. Пригляделся — в углу сидел её хозяин — старик. Как он не задыхался от дыма — трудно представить...

Курная изба, перекочевавшая в музей, даёт наглядное представление о прошлом ярославской деревни, о её облике. Сколько же труда и сил надо было положить Советской власти, чтобы покончить с вековой отсталостью деревни!

> Пусть знают молодые люди, — говорил недавно в Ленинграде Никита Сергеевич Хрущёв, — какими трудными дорогами шагали по жизни их отцы и деды. Это тем более важно, что иные молодые люди думают, будто все блага жизни, которые дала и даёт им Советская власть, пришли сами собой. Пусть не забывают они, что ради этого лучшие сыны и дочери нашего народа шли на каторгу, проливали свою кровь, сидели в казематах Петропавловской крепости.

Посетитель музея несомненно обратит внимание на одну книгу, экспонируемую на стенде. Принёс её в музей старый рабочий фабрики «Красное эхо» Иван Дмитриевич Васильев.

Но прежде чем сказать об этой книге, снова коснёмся сегодняшнего дня, нашей советской действительности. Мы были свидетелями, как молодёжь фабрики киноплёнки обсуждала, как лучше провести лето — тут и путёвки в дома отдыха и санатории, походы, экскурсии. На фабрике «Красное эхо» молодые рабочие заканчивали учебный год в школе рабочей молодёжи. Секретарь комитета комсомола Соня Зиновьева сообщила нам, что без отрыва от производства закончили школу 57 человек. Вот они, настоящие хозяева своего предприятия. А заголовок книги, которую принёс И. Д. Васильев, гласит: «Протоколы Переславской мануфактуры. 1889—1915 гг.» Раскройте её страницы — каждая из них показывает, как делили между собой прибыли капиталисты. Тут не найдёшь, сколько отпущено средств на образование, на здравоохранение, — прибыли, прибыли, вот что владело умами хозяев фабрики.

И чтобы потомки тех, на чьём труде и поте богатели заводчики, стали сами хозяевами фабрики, нужен был большой путь борьбы. В музее наглядно показан этот путь. Каждый остановится у картины академика Кардовского «В. И. Ленин в переславских Горках». Здесь, в Горках, в имении Ганшина тайно печатался на гектографе ленинский труд «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?». Вот снимок того дома в Переславле, где в 1905 году нелегально собирались члены социал-демократического кружка. Вот портрет И. И. Гусева, командира первой красногвардейской роты. Вот листовки первого года революции. Вот портрет С. П. Дьякова — первого секретаря комсомольского комитета в Переславле. А там борьба за индустриализацию страны, за коллективизацию села...

Большой славный путь нашего народа, ведомого партией, путь, который позволял нашей молодёжи пользоваться всеми благами социалистического общества!